

Фатхутдинов Раит Рафиковичадъюнкт Ростовского юридического института
МВД России**СОВРЕМЕННЫЙ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ
ЭКСТРЕМИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ****Аннотация:**

В статье анализируются институциональные факторы развития этнорелигиозного экстремизма и терроризма на Северном Кавказе. Автор делает особый упор на необходимости совершенствования институциональных технологий противодействия росту экстремизма и экстремистских процессов и указывает на важность вовлеченности неправительственных организаций в процессы реформирования этноконфессиональной системы.

Ключевые слова:

этнорелигиозный экстремизм, терроризм, Северный Кавказ, ислам, сообщества, политология, институциональные факторы.

Fatkhutdinov Rait Rafikovich Postgraduate student, Rostov University of Law
under the Ministry of Internal Affairs of Russia**CONTEMPORARY ETHNO-RELIGIOUS
EXTREMISM IN THE NORTHERN
CAUCASUS: INSTITUTIONAL
FACTORS OF DEVELOPMENT****Summary:**

The article deals with the institutional factors of ethnic and religious extremism development. The author emphasizes the need to improve the institutional technologies in the sphere of extremism prevention. It is concluded that nongovernmental organizations have an important role in the reformation of the ethno-confessional system.

Keywords:

ethno-religious extremism, terrorism, Northern Caucasus, Islam, communities, political science, institutional factors.

Высокий уровень экстремистской угрозы на Северном Кавказе представляет собой реальный вызов дальнейшему развитию российского общества. Нельзя недооценивать роль ислама. Исламский фактор оказывает большое воздействие на современные политические процессы, протекающие в России. Политический дискурс последнего времени в значительной степени направляется дискуссией о потенциальной опасности исламского фактора, причем в широком диапазоне: от межрелигиозных столкновений до угроз со стороны радикальных исламских кругов и террористических групп.

Экстремистские вызовы на Северном Кавказе дестабилизируют региональное социально-политическое пространство, что подрывает выстраиваемую в последние годы политическую стабильность. Рост фундаментализма является одним из наиболее значимых факторов появления «неудавшихся демократий» [1]. Это государства, в которых усиливается межконфессиональная и межнациональная напряженность, развивается экономический кризис и наблюдается стремление властных структур и национальных элит использовать религии и их институты в своих политических интересах.

Несмотря на десятилетия вооруженной борьбы с террористическими группировками, этно-религиозный экстремизм продолжает оказывать негативное воздействие на региональную общественную систему, сохраняя преимущественно радикальный политический характер. Идеи «чистого ислама» по-прежнему встречают понимание и отклик среди некоторой части безработной молодежи, особенно в отдаленных районах Северного Кавказа. В общественном сознании популярно осуждение роскоши, коррупции и стяжательства, людей привлекает идея равенства, этика единства всех мусульман, социальной гармонии, которую проповедуют исламистские радикалы. По мнению исламистов, ислам, существующий на Северном Кавказе, скорее выражает «богослужение предков», которое ближе к буддизму («святые» могилы, камни и т. п.), чем к исламу.

Летом 2014 г. некоторые радикально настроенные молодые люди с северокавказских республик отправились воевать в Ближневосточный регион. В частности, они были замечены воюющими на стороне «Исламского государства Ирака и Леванта» в Ираке и Сирии. В этом смысле военно-политическая активность радикалов на Северном Кавказе влияет в том числе на ближневосточные процессы.

Исследователи утверждают, что одной из структурных причин роста ваххабизма на Северном Кавказе стала финансовая поддержка со стороны Саудовской Аравии. Оттуда же поступает военно-техническая и моральная поддержка северокавказских экстремистов. Недемократические режимы развивают агрессивную идеологию и практику экстремистских течений в исламе в некоторых государствах, фактически сливающихся со светской властью.

Точные объемы предоставленного на Северный Кавказ финансирования не известны, но для сравнения можно указать, что, по экспертным оценкам [2], на Боснию Саудовская Аравия потратила 600 млн долл., где на 1 мусульманина пришлось по 300 долл. В результате было построено 160 мечетей, созданы некоторые исламские газеты и благотворительные организации.

Помимо структурных причин, можно выделить институциональные факторы развития этно-религиозного экстремизма. Они включают в себя определенную конфигурацию правил социального поведения, способствующих деструктивной активности людей в ситуациях, когда возможным является бихевиоральный выбор. Иными словами, с точки зрения неоинституционалистов [3], значимость институционального фактора определяется как исторически сложившимися нормами и традициями, так и их интерпретациями, используемыми в общественном дискурсе таким образом, что это способствует целенаправленно структурированному социальному поведению (например, экстремистской деятельности).

Поведение этнорелигиозных экстремистов, которых Чарльз Тилли [4] назвал «специалистами по насилию», в значительной степени зависит от доминирующих интерпретаций поведения, которое сторонниками этнорелигиозного экстремизма определяется как соответствующее или несоответствующее мусульманским канонам.

Традиционализм не просто становится стилем поведения людей, которые преследуют свои политические цели, он оказывается в роли новой эмблемы внутренней идентичности, выражающей цели и исламского сообщества, и авторитарного государства.

Фундаменталисты указывают, что западная идеология приводит к духовному «загрязнению» традиционного социума западными идеями. В результате социум должен заботиться о безопасности и защищать себя от нападения, подчинения или уничтожения со стороны других культур. Стремясь обезопасить себя от внешнего ценностного проникновения, фундаменталисты предпринимают активные действия, которые, в свою очередь, делают уязвимыми и побуждают готовиться к конфликту других. В результате никто не чувствует себя в абсолютной безопасности в современном мире. Возникает порочный круг накопления насилия и агрессии.

В повседневной жизни фундаменталисты обычно консервативны. Они предпочитают долговременные социальные сети и прочные семейные узы и полагают, что теологические и нравственные основания должны играть ключевую роль в ценностной структуре мусульман. Однако практически не существует четких норм поведения, которые одинаково интерпретируются всеми мусульманами. Даже отношение к алкоголю в разных мусульманских странах различается: в некоторых исламских странах алкоголь легален, в других ограничен, а в третьих полностью запрещен.

В идеологической сфере основной задачей фундаменталистов является необходимость убедить как своих сторонников, так и сомневающихся в правильности фундаменталистских интерпретаций. Для этого создаются специальные сайты, посвященные джихаду. На них рассматривается множество практических аспектов участия в джихаде. Например, существуют отдельные фетвы по вопросам участия женщин или детей. Отдельные обсуждения посвящены следующим вопросам: допустимо ли убивать туристов, которые официально приезжают посмотреть достопримечательности в странах ислама, ввиду чего визу рассматривают как официальное разрешение на мирное нахождение на территории страны ислама, взрывать самолеты (учитывая, что ислам запрещает убивать пленников), убивать стариков, как соотносится джихад с международными соглашениями, заключенными исламскими государствами, и т. п.

Для оправдания современного джихада фундаменталисты используют исторические аргументы, указывая, что Пророк воевал большую часть жизни.

Исламских экстремистов отличает «крайняя нетерпимость даже к единоверцам» [5]. Одним из способов выражения этой активности становятся масштабные террористические акции вооруженных экстремистских групп и формирований против стран, которыми они недовольны. С точки зрения фундаменталистов, современные мусульманские страны являются оккупированными (например, поскольку на территории мусульманских государств находятся военные формирования США), а существующие режимы – коррупционными, поэтому они не являются исламистскими. Против их властей можно вести джихад: «Те, кто пользуются влиянием и стоят у власти, на уровне государства и в международных структурах, никогда не будут реагировать на миролюбивые демарши, официальные петиции и политическую практику, призывы к гуманности и самые красноречивые заявления» [6].

Террористические действия против «простых» граждан оправдываются тем, что они голосуют и обеспечивают легитимность неисламистской власти, поддерживают ее налогами. Таким образом, как указывают эксперты [7], в мусульманском праве убийство рассматривается скорее с утилитарной точки зрения, и моральные соображения редко принимаются во внимание.

Критики фундаментализма среди мусульман указывают: то, что было характерно для VII в., не подходит современному миру. Другим аргументом является экономическая и политическая

слабость мусульман: участие в джихаде повлечет ответные санкции со стороны западного мира, что приведет к разрушению мусульманской цивилизации.

Проведенный институциональный анализ показывает, что нормы религиозного поведения (затрагивающие, в частности, вопросы джихада) не носят однозначного характера. «Религиозные и социальные идеи конкурируют друг с другом, им не хватает неизбежности, которая позволила бы принимать их беспрекословно. Приверженность идеалам становится в той же степени вопросом выбора, как и принадлежность к некоторой группе» [8, с. 298].

«Правовверные», как называет их Эрик Хоффер, способны чувствовать внутреннее достоинство и уважение к себе только в тех случаях, когда могут идентифицироваться с великим делом. Борьба за него становится борьбой за достижение самоуважения [9].

По мнению американского антрополога Уильяма Самнера [10], все верования постоянно изменяют себя так, чтобы лучше адаптироваться к реальности повседневной жизни, поэтому религиозных ценностей «в чистом виде» практически не существует. Однако исламские фундаменталисты стремятся вернуть исламу «первоначальную» и «чистую» форму.

Процессы институциональной трансформации постоянно происходят в современном исламе. Существует множество интерпретаций, и практически любой экстремистский поступок (к примеру террористический акт) может быть интерпретирован и как соответствующий, и как не соответствующий нормам исламского поведения. На Северном Кавказе эта идентичность обрела фундаменталистскую форму, выраженную в виде резкого роста джамаатов и социально-политических процессов так называемой «талибанизации Кавказа».

На Северном Кавказе фундаменталистские интерпретации нашли благодатную почву в остром политическом кризисе доверия, вызванном клановым и коррумпированным характером региональной и местной власти и высоким уровнем общего недовольства по причине закрепившейся бедности.

Как указывают А.В. Баранов и А.А. Вартумян [11], «сущность долгосрочной внутренней геополитики России на южном направлении... в частности, состоит в укреплении территориальной целостности государства, его суверенитета, отражении внутренних и внешних угроз политической безопасности страны». Но проведению этой политики мешают неэффективные институциональные паттерны взаимодействия государства и общества.

На Северном Кавказе власть редко обсуждает проблемы этнорелигиозного характера с населением. Межнациональная обстановка в регионе остается напряженной. В трудоизбыточном регионе с сохраняющимися негативными этническими стереотипами, активизацией радикальных движений увеличение доли представителей неславянских народов порождает социальную напряженность, быстро приобретающую характер этнорелигиозного противостояния. Сохраняются конфликты, вызванные нежеланием и / или неготовностью мигрантов уважительно относиться к культурным традициям местного населения. Люди считают, что отдельным этногруппам власти предоставляют необоснованные привилегии, обеспечивают квартирами без очереди, оказывают большую материальную помощь и т. п.

Мигранты также недовольны местным населением. Этнокультурная дистанция между мигрантами и местным населением, различия в образе жизни, культуре, обычаях и проблемы адаптации на новых территориях часто формируют комплекс проблем, способствующих росту этнорелигиозного экстремизма. Эти негативные социальные последствия в полной мере присущи Северо-Кавказскому региону, успешное социально-экономическое восстановление которого зависит от принятия эффективной миграционной политики и укрепления доверительных отношений в рамках межнационального социума, разрушенных в ходе неудачных модернизаций советского периода и постсоветского времени.

Открытым остается вопрос, до какой степени ученые могут объяснить и предсказать трансформацию этнорелигиозных процессов и до какой степени можно предпринять превентивные меры. Разумеется, никогда не было и, вероятно, не будет общества, в котором вспышки этнорелигиозного экстремизма зависели бы исключительно от «объективных» экономических, политических или социальных условий, и с изменением их экстремизм исчезал бы полностью и безвозвратно.

Необходимо регулярно проводить публичное обсуждение перспектив государственной этноконфессиональной политики на Кавказе с участием широкого спектра политических и общественных сил, в том числе представляющих оппозиционные круги, и выработать эффективную стратегию взаимодействия федерального центра с регионами. В качестве первоочередных необходимо принять меры к восстановлению соблюдения прав человека на Северном Кавказе. Борьба с террористическим подпольем должна быть продолжена силовыми структурами и спецслужбами, в том числе путем принятия профилактических мер по устранению институциональных причин, его создающих, с учетом всех факторов геополитических рисков.

В связи с угрозой проявления этнорелигиозного экстремизма особо значима задача воспитания подрастающего поколения в духе толерантности и межнационального согласия. Необходима серьезная образовательная реформа курса религиоведения в общеобразовательной школе, его расширение и придание ему не только мировоззренческой, но и практической направленности. В стандарт полного общего образования должны войти предметы, в которых подробно рассматриваются негативные аспекты экстремизма и фундаментализма.

Государственная политика должна быть направлена на то, чтобы создавать все институциональные условия для свободного и равноправного функционирования этнических и религиозных групп.

Борьба с экстремизмом не должна использоваться как основание для противодействия оппозиции и гражданскому обществу. Необходимо принять поправки в существующее федеральное законодательство о борьбе с экстремизмом, исключая возможность применения этого законодательства для борьбы с политической оппозицией, а также о приравнивании критики представителей власти к экстремистской деятельности. Необходим пересмотр ряда норм УК РФ, в частности ст. 282, для исключения неоднозначности толкования понятия «экстремизм» и вытекающего из него произвола, наказаний за наличие мнения, использования их для преследования оппозиции.

По мнению правозащитников, необходимо законодательно определить понятие «жертва терроризма» [12, с. 5–9], выработать качественно новый комплекс мер по обеспечению законности и правопорядка в населенных пунктах республики, локализации и нейтрализации организационных преступных группировок, членов незаконных вооруженных формирований и ваххабитов. Усиление профилактики террористических актов и похищений людей и других нарушений прав и свобод человека и гражданина на территории региона. Такая задача выдвигается на передний план в условиях, когда изменяется характер контртеррористической операции, сокращается численность постов и воинских формирований с постепенной передачей функций охраны прав человека и гражданина к органам внутренних дел.

Необходима глубокая и радикальная институциональная реформа социально-экономической и социально-политической сфер Северного Кавказа с одновременной ревизией всех современных государственных органов и государственного аппарата на предмет «чистки» коррупциогенных полномочий чиновников. Только так можно минимизировать негативное воздействие сложившихся институциональных факторов, которые, как и структурные причины, способствуют росту религиозного экстремизма и радикализации настроения среди молодежи части мусульманского населения на Северном Кавказе. Подобные задачи актуализируют изучение институциональных особенностей этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе с политологической точки зрения.

Ссылки:

1. Sahgal G., Yugal-Davis N. The Uses of Fundamentalism: A Respond to Jan Ne Deween Dieterse's Article // *Woman Against Fundamentalism*. 1994. Vol. 5.
2. Shmuel B. *Warrant for Terror: The Fatwas of Radical Islam and the Duty of Jihad*. Lanham, 2006.
3. Барбашин М.Ю. Идеологизация этносоциологических исследований в советский и постсоветский периоды: институциональное измерение // *Политика и общество*. 2013. № 4 (100).
4. Tilly C. *Coercion, Capital, and the European states: AD 990–1992*. Oxford, 1993.
5. Ali T. *The Clash of Fundamentalisms: Crusades, Jihad's and Modernity*. London ; New York, 2002.
6. Karawan I. *Violence and Strategic Choices: The Case of Islamist Militancy* // 5th International Security Forum (ISF), *Setting the 21st Century Agenda 14–16 October*. Zurich, 2002. P. 1.
7. Shmuel B. *Op. cit.*
8. Фейербах Л. *Сущность христианства* // *Избранные философские произведения*. М., 1955. Т. 2.
9. Hoffer E. *The True Believer*. New York, 1951.
10. Sumner W. *Folkways*. Boston, 1949.
11. Баранов А.В., Вартумян А.А. *Политическая регионалистика*. М., 2005. Вып. 4.
12. Трунов И.Л. Актуальные проблемы борьбы с терроризмом – 10 лет «Норд-Осту» // *Административное и муниципальное право*. 2012. № 11.

References:

1. Sahgal, G & Yugal-Davis, N 1994, 'The Uses of Fundamentalism: A Respond to Jan Ne Deween Dieterse's Article', *Woman Against Fundamentalism*, vol. 5.
2. Shmuel, B 2006, *Warrant for Terror: The Fatwas of Radical Islam and the Duty of Jihad*, Lanham.
3. Barbashin, MY 2013, 'Ideologization ethnosociological research in Soviet and post-Soviet periods: institutional dimension', *Politics and Society*, no. 4 (100).
4. Tilly, C 1993, *Coercion, Capital, and the European states: AD 990-1992*, Oxford.
5. Ali, T 2002, *The Clash of Fundamentalisms: Crusades, Jihad's and Modernity*, London, New York.
6. Karawan, I 2002, 'Violence and Strategic Choices: The Case of Islamist Militancy', *5th International Security Forum (ISF), Setting the 21st Century Agenda 14-16 October*, Zurich, p. 1.
7. Shmuel, B 2006, *Warrant for Terror: The Fatwas of Radical Islam and the Duty of Jihad*, Lanham.
8. Feuerbach, L 1955, 'Essence of Christianity', *Selected philosophical works*, Moscow, vol. 2.
9. Hoffer, E 1951, *The True Believer*, New York.
10. Sumner, W 1949, *Folkways*, Boston.
11. Baranov, AV & Vartumyan, AA 2005, *Political regionalism*, Moscow, vol. 4.
12. Trunov, IL 2012, 'Actual problems of fighting terrorism - 10 years of "Nord-Ost"', *Administrative and municipal law*, no. 11.